

Юлия Козицкая

Песни казахских акынов на русском языке:

ОТ СТИЛИЗАЦИИ ДО ШАБЛОНА¹

Yulia Kozitskaya

Songs of Kazakh Akyns in Russian: From Pastiche to Template

Юлия Козицкая (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», преподаватель школы филологических наук факультета гуманитарных наук; канд. филол. наук) y.kozitskaya@gmail.com.

Yulia Kozitskaya (PhD; Lecturer, Faculty of Humanities, HSE University) y.kozitskaya@gmail.com.

Ключевые слова: советская литература, акын, перевод, Джамбул, Маяковский

Key words: Soviet literature, akyn, translation, Dzhambul, Mayakovsky

УДК: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2022_176_4_143

UDC: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2022_176_4_143

В статье предпринята попытка описать характерные черты корпуса опубликованных на русском языке песен казахских акынов, в который входили и песни-стилизации, созданные переводчиками. Материалом служат песни акынов на русском языке, опубликованные в сборниках, которые вышли в московских издательствах начиная с «Песен киргиз-казаков» 1932 года и заканчивая «Песнями казахских степей» 1951 года.

This article attempts to describe the characteristics of the corpus of songs of Kazakh *akyns* published in Russian, which also included pastiche songs created by translators. Studied are the songs of the *akyns* in Russian that were published in collections by Moscow publishing houses, starting with *Pesni kirgiz-kazakov* [Songs of the Kirghiz-Kazaks] in 1932 and ending with *Pesni kazahskikh stepey* [Songs of the Kazakh Steppes] in 1951.

Одним из значимых проектов советской культуры 1930-х годов был проект по масштабному изданию на русском языке песен народных певцов (см.: [Zemskova 2018]). Он являлся знаком внимания советской власти к национальному культурному наследию советской периферии. Так, в критических статьях о творчестве народных певцов подчеркивалось, что до революции такие песни оставались неизвестными для массового слушателя, а благодаря усилиям советской власти, направленным на развитие культуры в национальных республиках, народные певцы получили возможность быть услышанными, поскольку их песни записываются, переводятся и издаются на русском языке.

Главной фигурой проекта по изданию песен народных певцов на русском языке был казахский акын Джамбул Джабаев. Песни Джамбула, функционировавшие в поле советской литературы как переводы с казахского языка, зачастую не имели оригиналов. Процесс создания и функционирования текстов на русском языке, подписанных именем Джамбула, парадоксальным образом

---

1 Статья подготовлена по результатам проекта «Перевод в России: междисциплинарные исследования и инструменты анализа» при поддержке фонда «гуманитарные исследования» ФГН НИУ «Высшая школа экономики» в 2020 году.

и изучен, и нет. Он опирается на многочисленные свидетельства современников Джамбула, зачастую неоднозначные [Volkov 1979: 209—210].

Фигура Джамбула обладала исключительной значимостью для сталинской культуры, влияя на всю советскую литературу. Мы полагаем, что этим объясняется достаточно большое число современных научных публикаций, посвященных истории появления песен Джамбула на русском языке. При этом в стороне остается вопрос о текстах, стилизованных под восточный фольклор, изданных до первых публикаций переводов Джамбула. Между тем нам кажется интересным проследить трансформацию подобных текстов, а также определить, кто именно участвовал в масштабном проекте по изданию песен акынов в русском переводе в 1930-е годы.

Необходимо разграничить две практики издания песен казахских акынов на русском языке. В первом случае, характерным примером которого являются песни Джамбула, имя акына не было фикцией, он на самом деле являлся исполнителем песен на казахском языке. Однако для каждого отдельного случая трудно оценить, в какой мере переводчики опирались на подстрочники песен [Богданов 2013: 11]. Второй случай — это создание на русском языке стилизаций и издание текстов под именами вымышленных певцов². Доказательством того, что имена акынов являются вымышленными, может служить их отсутствие в каких-либо библиографических справочниках, исследовательских работах и научных трудах, посвященным творчеству акынов, в том числе советского периода³.

Безусловно, однозначно определить, существовал или нет тот или иной акын, имя которого использовалось в советской печати, достаточно трудно. Для нашей работы важны отличительные черты текстов, которые издавались на русском языке как переводы с казахского. Мы не ставим целью определить, существовал ли тот или иной автор, имя которого использовалось при издании.

По всей видимости, практика публикации стилизаций под видом переводов песен советских сказителей из национальных республик восходит к сборнику «Ленин в творчестве народов Востока. Песни и сказания», изданного Леонидом Соловьевым в 1930 году [Соловьев 1930]⁴. Сусанна Витт выделяет два приема, с помощью которых происходила легитимация переводов: указание на условия записи песни и пояснения к словам, которые обозначали реалии другой культуры и включались в русский текст [Witt 2013: 152]. В сборнике Соловьева мы можем наблюдать эти приемы, направленные на придание достоверности авторским текстам, публикуемым как переводы. Соловьев указывает место записи текста и имя исполнителя, тем самым создавая иллюзию того, что песни записывались во время поездок по Средней Азии. В конце издания приводится словарь, призванный разъяснить непонятные слова русскому читателю.

-
- 2 По всей видимости, такая практика не была тайной для людей, имевших отношение к Союзу советских писателей Казахстана (ССПК). Писатель Ю. Домбровский, долгое время проживший в Алма-Ате в ссылке, в частном письме называет Павла Кузнецова «делателем акынов» [Домбровский 1993: 370]. Схожим образом Кузнецов характеризуется и в жалобе русской секцией ССПК, в которой выражалось недовольство его работой на должности редактора журнала «Литературный Казахстан» [Witt 2013: 150, fn 25].
  - 3 Так, большая часть имен из сборников, которые рассматриваются в этой работе, не указана в библиографиях [Исмаилов 1957; Сидельников 1951; 1969].
  - 4 История издания сборника Соловьева и последовавшей за ней фольклорной экспедиции для записи народных песен изложена в книге Виктора Витковича «Длинные письма» [Виткович 1967: 48—52].

В 1935 году казахстанский журналист Павел Кузнецов издал под именем никогда не существовавшего казахского акына Маимбета «Песнь о Асане Кайгы» [Богданов 2013: 7—8]. Таким образом, может сложиться представление о Кузнецове как о первом казахстанском стилизаторе. Однако представляет интерес зазор в пять лет между выходом сборника Соловьева и песней Маимбета-Кузнецова.

Так как не существует полных библиографий изданий песен народных певцов на русском и казахском языках, историю корпуса текстов на русском языке, которые издавались как переводы песен казахских акынов, пока нельзя восстановить полностью. Согласно наиболее авторитетному справочнику изданий советских переводных текстов, составленному И. Старцевым, в период с 1934 по 1954 годы было издано восемь сборников песен казахских акынов [Старцев 1957], девять с учетом отсутствующего в библиографии сборника «Избранник сердца»⁵. Поскольку проанализировать весь корпус текстов акынов на русском языке не представляется возможным из-за его объемов, в нашей работе мы сосредоточились на четырех сборниках из библиографии Старцева, вышедших в московских издательствах: «Песни казахских акынов о Сталине» [Песни о Сталине 1937], «Песни степей» [Песни степей 1940], «Сборник современной казахской литературы» [Сборник 1941], «Песни казахских степей» [Песни казахских степей 1951], а также добавили к списку антологию «Песни киргиз-казаков» [Песни 1932], вышедшую в 1932 году в Москве. Отметим, что в этот список не вошли издания, в которых переводы песен казахских акынов соседствуют с переводами с других языков СССР. Такой выбор сборников, вышедших в московских издательствах, основан на предположении, что публикация в столице обладала более высокой ценностью, чем публикация в регионе. Сам факт отбора текста для публикации редакционной комиссией центрального издательства означал признание текста значимым для всей советской литературы.

Самый ранний найденный нами сборник переводов с казахского, который, по всей видимости, является собранием стилизованных авторских текстов «переводчиков», — это сборник «Песни киргиз-казаков» [Песни 1932]. «Переводчиками» указаны Павел Васильев, Сергей Марков, Леонид Мартынов и Николай Феоктистов. Все авторы отлично знали казахский быт, были связаны с Казахстаном. Так, Васильев родился в Зайсане, свободно говорил на казахском языке [Русакова 1962: 868]. Переводы Васильева, к тому времени уже известного поэта, составили самый большой раздел сборника. Мартынов, будучи журналистом, много ездил по Казахстану, как и Марков [Кашина 2007: 171]. Феоктистов в 1910—1920-е годы работал в Семипалатинске, Кзыл-Орде, Петропавловске [Феоктистов 2015].

Примечательно само название сборника. С одной стороны, оно указывает на то, что в его составе содержатся характерные образцы казахских песен, более того в нем использовано дореволюционное наименование народа [Ходарковский 2019: 24]. Можно предположить, что название сборника должно было указывать на исконно народный характер песен, которые с давних пор известны среди казахов. С другой стороны, конструкция названия непосредственно

5 Избранник сердца. Сборник стихов и песен народных акынов и поэтов Казахстана, посвященных Великой Сталинской Конституции и выборам в Верховный Совет СССР / Отв. ред. М. Каратаев. Алма-Ата: КИХЛ, 1937.

отсылает к «Песням западных славян» Пушкина и, таким образом, уже содержит намек на некоторую мистификацию, очевидный для литературных критиков. Кроме того, возможна и отсылка к стихотворению «Фелица» Г. Державина⁶. Подражание Пушкину не может не характеризовать определенным образом литературные амбиции авторов-составителей.

Отношение к текстам сборника «Песни киргиз-казаков» на протяжении советского времени несколько раз менялось. Предположение, что песни сборника не являются переводами, появилось почти сразу после его выхода. Все четверо «переводчиков» в 1932 году были арестованы как участники литературного объединения «Сибирская бригада», история которого восходит к концу 1920-х годов. Его участников обвиняли в симпатиях белому движению и Колчаку. Арест участников «Сибирской бригады» в 1932 году стал самым крупным писательским делом до начала массовых репрессий [Кашина 2007: 167]. В 1933 году в мартовском номере «Литературной газеты» вышла заметка «Поэты — к вершинам пролетарского мировоззрения», направленная против авторов:

Со всей решительностью нужно выступить против авантюристических попыток подделок фольклора, как это имело место с поэтами П. Васильевым, С. Марковым, Л. Мартыновым и Н. Феоктистовым, выпустившими в ГИХЛ поддельные «Песни киргиз-казаков». В советской литературе нет и не может быть места для подобного авантюризма⁷.

Выход изобличительной заметки спустя год после издания книги говорит о том, что причина ее появления не связана непосредственно с мистификацией — она подкрепляла обвинения против участников «Сибирской бригады», служила дополнительным доказательством недопустимого поведения литераторов. В июньском номере «Литературной газеты» последовало частичное опровержение:

Стихи Н. Феоктистова в сборнике «Песни киргиз-казаков» являются переводами с подлинного казакского фольклора, и никакого участия в редактировании сборника Н. Феоктистов не принимал. Таким образом, его имя в статье «Поэты — к вершинам пролетарского мировоззрения» (№ 13 «Литгазеты») указано ошибочно⁸.

Однако ситуация, когда трое из четырех участников одной литературной группы создают авторские стилизации, а четвертый, не подозревая об этом, сам собирает материал на казахском языке в аулах, а затем переводит его, кажется нам маловероятной. Исключение имени Феоктистова из группы может быть связано с тем, что Феоктистов не понес наказания по делу «Сибирской бригады» в отличие от других авторов-составителей сборника⁹. В этом случае по-

6 Ср. достаточно известное начало этой оды, представляющее собой обращение к Екатерине II: «Богоподобная царевна / Киргиз-Кайсацкия орды!» (Державин Г. Фелица // Державин Г. Сочинения / Под ред. Я. Грота: В 9 т. Т. 1. СПб., 1864. С. 129.)

7 Поэты — к вершинам пролетарского мировоззрения // Литературная газета. 1933. № 13. 17 марта. С. 3.

8 Поправка // Литературная газета. 1933. № 26. 5 июня. С. 4.

9 Леонид Мартынов так описывает это в своих воспоминаниях: «Словом, мы загремели. Загремели на Север. Я, Сережа Марков, Анов и глупый бакенбардист Забелин. Но главные виновники происшествия усач Феоктистов, Юрочка Кариатида (Юрий Бессонов. — Ю.К.) и Пашка остались целы и невредимы и ходили как ни в чем не бывало» [Мартынов 2005: 163].

явление заметок в «Литературной газете» может служить примером того, что сама по себе фальсификация текстов не осуждалась как преступление, а могла служить только дополнительным обвинением в политическом деле. Отметим, что такое «исключение» Феоктистова, возможно, стало причиной того, что и в современных работах, в которых идет речь о «Сибирской бригаде», Феоктистов не называется¹⁰.

Впоследствии сборник «Песни киргиз-казаков» не упоминался в библиографиях как первый сборник песен казахских акынов, что, как мы полагаем, непосредственно связано с расстрелом Васильева в 1937 году. В обзоре книг по устному народному творчеству, вышедшем в 1938 году, указаны только «Песни казахских акынов о Сталине» [Вельтман 1938: 74].

Песни, для которых Васильев в сборнике указан переводчиком, вошли в первое издание сочинений поэта, вышедшее после его реабилитации, как авторские тексты, созданные им на основе народных песен¹¹. В следующем издании, 1968 года, информация о сборнике во вступлении и в примечаниях носит противоположный характер. Во вступлении сделан акцент на фольклорной природе песен сборника:

Особое место в творчестве Васильева занимают «Песни киргиз-казаков». Живя среди казахов, он изучал не только казахский язык, но и народное искусство. В течение нескольких лет П. Васильев систематически возвращался к этому интересно задуманному циклу. Кратко записанные прозой сюжеты казахских песен, легенд, сказаний облекались им в форму русского свободного стиха. Цикл не предназначался для печати. Он увидел свет, можно сказать, случайно в коллективном сборнике переводов «Песни киргиз-казаков», составленном энтузиастом и любителем фольклора Н.В. Феоктистовым. В конце марта 1932 года Васильев был арестован и находился два месяца под следствием. 28 мая его освободили. Это событие вызвало всевозможные кривотолки. П. Васильева перестали печатать, что и послужило причиной возникновения его псевдонима — Мухан Башметов [Поделков 1968: 25–26].

При этом в примечаниях подчеркивается авторский характер песен:

Стихотворения, входившие в коллективный сборник «Песни киргиз-казаков» (1932), в действительности не являются точными переводами казахских песен, кроме стихотворений «Рыжая голова» и «Поднявшееся солнце», но и они, несомненно, тоже подверглись обработке. Большинство песен, созданных по мотивам казахского фольклора, написано русским свободным стихом, весьма далеким от ритмической структуры казахских народных песен [Там же: 601].

Можно предположить причину, по которой песни «Рыжая голова» и «Поднявшееся солнце» были названы переводами: именно для этих песен Васильев указывает источник, со слов которого якобы были записаны песни — певца Амаре Кишкинали, литературный псевдоним Васильева [Кашина 2014: 20], — и дату записи песни.

10 Ср.: «Одна из таких групп сформировалась вокруг Николая Анова, ставшего редактором журнала “Красная новь”. В нее вошли Сергей Марков, Леонид Мартынов, Лев Черноморцев, Евгений Забелин и Павел Васильев» [Шевченко 1999: 79].

11 Ср.: «Не являясь точными переводами, “Песни киргиз-казаков” написаны Павлом Васильевым по мотивам казахского фольклора» [Васильев 1957: 477].

Мартынов в новелле «Круглая звезда Айналайн», относящейся к автобиографическому циклу «Воздушные фрегаты» (1969—1974), пишет об одной из своих песен как о стилизации:

Именно революция, Октябрьская революция со всеми ее последствиями и дала мне возможность познакомиться с целой кавалькадой воинственных амазонок в буйном облике молодых заиртышских казашек. Более того, я сделался их доверенным лицом, ходатаем по их делам. Суть в том, что они, эти женщины, взбунтовались. Против нелюбимых мужей. И так как все это было в первой половине двадцатых годов, эти женщины потребовали на основании советских законов раскрепощения! <...> И я, юный репортер, написал ряд статей, освещающих все перипетии их борьбы за новую жизнь. <...> Но, пожалуй, не менее ясно это выражено в одном из забытых моих стихотворений: «Эй, супруга моя, Бибиш, наш аул ушел за Иртыш, почему ж ты осталась в городе, на крыльце у прокурора сидишь?» — «Мой муж, хромой Мукаш, ты вчера показал мне кнут. Поеду в город, спрошу адвоката, что надо делать, если бьют?» Таков был смысл написанных мной слов. Но звучали они в ритме некоей казахской песенки, с малых лет ласкавшей мой слух [Мартынов 1977: 237].

Речь идет о песне «Развод», вошедшей в сборник «Песни киргиз-казаков», при этом строчки из песни приведены в новелле дословно.

Тексты из сборника использовались в качестве иллюстративного материала для первого труда по истории литературы Казахстана — «Очерков по казакскому фольклору и казахской литературе» [Очерки 1933: 35—36], вышедшего в 1933 году. Определенно сказать, были ли составители «Очерков» осведомлены о природе текстов, изданных как переводы, нельзя. Так как «Очерки» появились до начала массового тиражирования песен, подписанных именами народных певцов, и до распространения слухов о процессе создания таких песен, можно предположить, что тексты акынов на русском языке воспринимались составителями как переводы, для которых существовали оригиналы на казахском. В этом случае ситуация с песнями казахских акынов повторяет историю издания песен Соловьева. В случае, если авторы «Очерков» знали о мистификации, появление песен в первой работе по истории казахской литературы может быть трактовано как попытка упрочить их переводной статус.

Комментарии, которыми сопровождаются издания песен сборника в постсоветское время, также разнятся¹². Таким образом, до сих пор не был проведен детальный анализ песен сборника и не исследовано, как они повлияли на издававшиеся с середины 1930-х годов песни акынов на русском языке. Вслед за «Песнями киргиз-казаков» начали появляться и другие сборники песен народных певцов в русском переводе. Однако после 1936 года — проведения де-

12 В. Вайнерман охарактеризовал песни как «опыт братского сотрудничества литератур народов СССР, освященный участием в нем крупнейших поэтов страны — Павла Васильева и Леонида Мартынова, а также как образец качественного поэтического перевода» [Вайнерман 2005: 105]. Но уже через десять лет в сборнике, подготовленном под редакцией Вайнермана, тексты «Песен киргиз-казаков» были определены как авторские произведения переводчиков: «В 1932-м в Москве была издана книга “Песни киргиз-казаков”, представленная как переводы с казахского П.Н. Васильева, Л.Н. Мартынова, С.Н. Маркова и Н.В. Феоктистова, на самом деле туда вошли оригинальные стихи этих поэтов» [Феоктистов 2015: 57].

кады казахского искусства в Москве и награждения в 1938 году акына Джамбула Джабаева орденом Ленина — большую часть таких сборников занимали тексты Джамбула, созданные при участии его главных переводчиков: Павла Кузнецова и Константина Алтайского. Так, в обзоре литературы по устному народному творчеству, вышедшем в Москве в 1938 году, из казахских акынов указаны Джамбул и Джартыбай, при этом приведены отрывки из нескольких песен и фото одного Джамбула [Вельтман 1938: 74—77].

Представленные в этих сборниках песни могут быть отнесены к жанру «өлең» (досл. стихотворение, песня), согласно классификации, описанной на страницах советской монографии о казахских народных певцах Есмагамбета Исмаилова. Исмаилов дает следующее определение:

...оленши — это акыны аульного масштаба. У них репертуар ограничен местной тематикой. Их лирические, шуточные песни, речитативы, куплеты, остроты, половицы и айтысы часто отвечали требованиям и вкусам местной публики. <...> Такие оленши в настоящее время встречаются буквально в каждом нашем колхозе. <...> Устные и письменные произведения советской поэзии распространяются по колхозам именно ими. <...> Они, как и жыршы, полностью идут в русле устной народной литературы, всех ее традиций, хотя среди них попадается немало грамотных. На производствах и в колхозах оленши являются агитаторами и пропагандистами [Исмаилов 1957: 76—77].

При этом, согласно Исмаилову, сочиняя свои песни, они ориентируются на «творчество Абая и современных советских поэтов» [Там же].

Если в начале проекта по изданию песен акцент делался на том, что народные певцы не получили никакого образования, поют о том, что видят сами, — поэтому мнение их непредвзято, — в дальнейшем стало возможным появление акынов, закончивших советскую школу. Интерес представляет то, как в выбранных нами для исследования сборниках песни акынов были отделены и зачастую противопоставлены произведениям казахских писателей.

В частности, в сборнике «Песни степей» содержатся как песни акынов, так и авторские тексты, при этом между ними отсутствует четкое деление. Раздел «Казахская советская литература» организован в алфавитном порядке, но, поскольку зачастую для акынов не указывалась фамилия, учитывалась первая буква их имени. В разделе представлены произведения пятнадцати казахских авторов и девяти акынов, при этом большая часть текстов подписана именем Джамбула. Дисбаланс между количеством акынов и количеством литераторов исчезает, если принять во внимание, что раздел «Песни восстания 1916 года» представлен текстами, подписанными именами еще троих акынов, и двумя «народными песнями» без указания авторства. Такая точность в соотношении не только иллюстрирует тезис редактора сборника Леонида Соболева о равноправности в казахском искусстве литературы профессиональной и народной [Песни степей 1940: 6], но и указывает на то, что казахская советская литература, ориентируясь в своем развитии на русскую, наследует в том числе институт авторства¹³.

13 Необходимо отметить, что только в середине 1930-х годов в казахской печати начали указывать не только имена, но и фамилии, подписывая тексты профессиональных писателей. Кроме того, применительно к казахским поэтам также использовалось слово «ақып» (акын).

Некоторые песни раздела «Песни восстания 1916 года» являются переделением произведений, опубликованных ранее в сборнике «Песни о шестнадцатом годе» [Песни 1936]. Интерес представляют те изменения, которые произошли при переиздании. Например, песня «Письмо» в переводе Л. Архангельского в сборнике 1936 года подписана именем Акимали Каржауова [Там же: 18—19]. В сборнике 1940 года представлен перевод Э. Левонтина, при этом изменено имя акына: Акимали Каржауов становится Акмалом Каржаубаевым [Песни степей 1940: 342]. Это может быть объяснено как отсутствием правил транслитерации имен, так и спешкой при подготовке издания. Кроме того, можно предположить, что имя акына было необходимой, но все-таки формальностью, поэтому ни переводчики, ни редакторы не проверяли, как именно оно должно быть записано на русском языке.

В сборнике «Песни казахских степей» 1951 года представлены только переводы песен Абая Кунанбаева и Джамбула Джабаева. После смерти в 1945 году Джамбул стал классиком, поэтому в сборнике его творчество отнесено к истокам казахской советской литературы, наряду с песнями Абая, имя которого не упоминается в отрыве от имени главного для советской идеологической системы поэта — Пушкина¹⁴. Таким образом выстраивается ряд казахских классиков, восходящий к классику русскому, подчеркивается преемственность казахской литературы по отношению к русской.

На основе пяти изданий песен казахских акынов на русском языке можно проследить, как складывался корпус отличительных черт текстов акынов в русском переводе. Основные приемы можно выделить уже в сборнике «Песни киргиз-казаков», авторы которого могли заимствовать их из сборника Соловьева. Именно в этом сборнике русские переводчики попытались найти способы сконструировать на русском языке восточный текст с помощью ориенталистских представлений о народном творчестве.

Одним из приемов создания текстов на русском языке является указание на «казахского» автора текста. Так, для песни «Рыжая голова» Павла Васильева дано следующее пояснение: «Записано в ауле Джайтан Павлодарского округа со слов певца Амаре Кишкинале» [Песни 1932: 6]. На правдоподобие направлена и практика детализации: для некоторых текстов указывается дата записи. Например, после песни «Поднявшееся солнце» есть примечание о том, что Кишкинале исполнил ее «на байче 22 июня 1930 года» [Там же: 16]. Обилие деталей было значимым аргументом в пользу реальности исполнителя. После 1932 года практика создания образа певца, который становился реальным за счет приведенных переводчиками «фактов», использовалась повсеместно. Из анализируемых в работе сборников особенный интерес представляет антология «Песни степей». Перед блоком текстов каждого акына приводятся биографические сведения, которые при ближайшем рассмотрении оказываются абсолютно неинформативными. Например, про акына Оспантая сказано, что он «народный акын, родился в 1883 году в Алма-Атинской области. Член колхоза имени десятилетия Казахстана, стахановец. Широко известна его поэма “СССР создал новый мир”» [Песни степей 1940: 505] (отметим, что обнаружить поэму не удалось). А заметка об акыне Умурзака сообщает, что он «народный акын, родился в 1857 году в Алма-Атинском районе. Член колхоза

14 Подробнее о том значении, которое имела фигура Пушкина в советской литературе, см.: [Платт 2017].

имени Калинина. Известен ряд его поэм: “Я — Умурзак-акын”, посвященная Сталину, “Ворошилов-батыр”, песни о выборах в Верховный Совет СССР [Там же: 548]. При этом поэма «Я — акын Умурзак» приводится сразу же после биографических сведений, таким образом как бы подтверждая вышесказанное.

Песни казахских акынов на русском языке, как и переводы с других языков народов СССР, содержали большое количество непереуведенных слов, цель которых состояла в том, чтобы обозначить статус текста как переводного [Witt 2013: 152]. Песня Павла Васильева, названная изначально «Большая вошь»¹⁵, была издана под названием «Улькун-вошь» [Песни 1932: 7–10], при этом перевод слова «улькун» был дан в специальном словаре «Непонятных слов и выражений, встречающихся в тексте» [Там же: 92–93]. Таким образом тексту придавался определенный восточный колорит. Поскольку для некоторых песен не были указаны имена акынов, казахские слова маркировали тексты на русском языке как принадлежащие другой культуре.

В дальнейшем в каждой изданной на русском языке песне, подписанной именем народного певца, обязательно использовалось как минимум одно слово на казахском языке. Приведем лишь некоторые примеры: «байлык» вместо «богатство» [Песни о Сталине 1937: 55], «заман» вместо «эпоха» [Сборник 1941: 45]. Практика помещения в конце изданий словаря также получила широкое распространение. Словарь содержится во всех рассматриваемых нами сборниках.

В некоторых случаях непереуведенные слова используются для обозначения реалий — символов тяжелой жизни казахов в прошлом, исчезнувших после революции:

Мою радость саман давил,
 Мою душу баксы травил,
 Мое сердце курай овил,
 Смерть дышала в мое лицо:
 Сталин смерть остановил

[Песни степей 1940: 420]¹⁶.

Практика «непереувода» связана с комментированием отдельных слов и понятий, носящим подчеркнута колонизаторский характер, поскольку показывает казахов неразвитым народом, на просвещение которого направлены усилия советской власти. Так, в сборнике «Песни казахских акынов о Сталине» 1937 года дано пояснение для слова «шайтан-арба», которым якобы обозначается в реальной речи казахов паровоз¹⁷. Можно предположить, что песни, вышедшие в центральных издательствах, в какой-то степени поддерживали образ неразвитого народа, боящегося советской техники.

Следующая характерная черта таких текстов также связана с желанием подчеркнуть особенности национальной культуры. Так как акыны традицион-

15 Марков С.Н., Васильев П.Н. «Песня о трех ордах», «Большая Вошь». Запись народных казахских песен // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 620. Оп. 1. Ед. хр. 532. Л. 4–6.

16 В словаре приведены значения слов *саман* (‘глина, материал для постройки домов’), *баксы* (‘знахарь, колдун’), *курай* (‘тростниковое растение’).

17 Ср.: «“Шайтан-арба” — букв. “чортова повозка”: так не без влияния мусульманского духовенства называло население Средней Азии до революции поезда и автомобили» [Песни о Сталине 1937: 74].

но исполняли свои произведения под аккомпанемент национальных инструментов, большая часть текстов названа песнями. Таким образом, сочинители этих текстов реализовывали на практике то определение советской национальной культуры, которое было дано Сталиным: «Период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме»¹⁸. Именно жанр песни за счет своей фольклорной природы представлялся авторам текстов традиционной, национальной формой для творчества акынов. Так, в сборнике «Песни киргиз-казаков» есть «Песня о бандите Сасыре», «Песня о Серке», «Песня колхоза Капай». Кроме того, в сборнике есть тексты таких фольклорных жанров, как «Самокладки казаков Семиге» и «Самокладки казахов Кызыл-Орды», «Сказ о Кенисаре» и других.

В последующих изданиях эта практика продолжилась (см., например, текст «Песня матери» [Песни степей 1940: 416—422]) и получила развитие, в частности появилась детализация жанра. Так, в составе последующих сборников есть колыбельная («Колыбельная песня» Джамбула [Там же: 435—436]¹⁹), «Плач жены Амангельды» [Там же: 345—350].

В некоторых названиях песен сборника «Песни киргиз-казаков» отражено причудливое сплетение элементов национальной и советской культуры. Практически все песни нацелены на описание изменившейся действительности, причем в мельчайших подробностях. Так, несколько песен посвящены представителям новых для Казахстана профессий: агроному, который учит приветствующих его казахов, как нужно пахать землю [Песни 1932: 27—28], милиционеру, который выступает символом советской власти, поскольку носит оружие и может арестовать человека [Там же: 31], химику («Песня о химике, почти волшебнике» Маргынова, где речь идет о человеке, который может делать невиданное раньше мыло [Там же: 61—63]).

Песни, посвященные предметам гигиены, не могут быть переводами с казахского языка, поскольку они отражают имперский взгляд на колонию. Так, текст о химике, прославляющий новую жизнь, в которой всем жителям страны доступно мыло, транслирует отношение к казахам как к отсталому народу, одной из черт культуры которого является отсутствие элементарных представлений о гигиене в связи с общей неразвитостью [Киндлер 2017: 59]. Советская власть выступает как власть прогрессивная, несущая просвещение в казахские аулы. Но не только мыло становится элементом новой действительности, которая создается советской властью. Это и пароход [Песни 1932: 29], и телеграф [Там же: 30], и автомобиль [Там же: 43].

В текстах сборников, вышедших вслед за «Песнями киргиз-казаков», также представлен мотив изменения казахского быта после революции. Абсолютное большинство песен (за исключением произведений о восстании 1916 года) посвящено чудесным преобразованиям действительности. В некоторых из них

18 *Сталин И.* Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б), 27 июня 1930 года // Правда. 1930. 29 июня. С. 5. В дальнейшем эта цитата не только приводилась в статьях, посвященных творчеству народов СССР, но, например, была дана в эпиграфе опубликованной песни, подписанной именем Маимбета (Песня народного певца Казахстана Маимбета / Пер. с каз. П. Кузнецова. Алма-Ата: Каз. изд-во худ. лит., 1936. С. 5).

19 О месте этого текста в ряду колыбельных песен 1930-х годов и о развитии и значении этого жанра для сталинианы см.: [Богданов 2009: 184—185].

прославляются отдельные достижения власти. Так, «Песня о свекле» акына Оспантая [Песни степей 1940: 505—507] посвящена успешному развитию земледелия в прежде кочевом Казахстане. В песне Джамбула «Кумыс» акын поет не о традиционном напитке казахов, а об изменившемся материальном положении людей в ауле, благодаря которому кумыс доступен теперь не только богачам [Сборник 1941: 19—20].

Особую значимость в 1930-е годы приобрели произведения, посвященные теме общественного положения восточной женщины, которое было в представлении советской власти символом отсталости восточных народов СССР [Киндлер 2017: 60—61]. В сборнике «Песни киргиз-казаков» этому посвящены две песни Мартынова: «Песня непокорной жены» [Песни 1932: 72—73] и «Развод» [Там же: 74], в которых главным образом речь идет о новом укладе. Все беды казахских женщин, как якобы поют акыны (при этом подразумевается, что песни исполняются женщиной-акыном), были от «магометанского закона», который теперь «позабыт». Прежнему насилию со стороны мужчины противопоставляется возможность женщины уйти от мужа, устроиться на работу (новый строй предлагает выбор рабочих мест для женщин в том числе).

Практически ни один из сборников в дальнейшем не обходится без текстов об изменившемся положении женщины. Иногда эти произведения подписаны именами женщин-акынов. Это песни «Я счастлива, как никогда» [Сборник 1941: 42—44], «Песня матери» [Песни степей 1940: 416—422], «В мавзолее» [Там же: 422—423] акына Айманкуль. Тексты служат доказательством изменения традиционного уклада: женщина получила голос, ее песни теперь печатают наравне с песнями акынов-мужчин. На материале текста, написанного от лица женщины, можно раскрыть сразу несколько чрезвычайно важных вопросов. Тема равенства мужчины и женщины в мусульманской стране связана и с запретом на калым, и с насаждаемым атеизмом.

Несмотря на большое количество схожих черт, произведения сборника «Песни киргиз-казаков» отличаются от более поздних текстов сталинианы середины 1930-х годов. В сборнике нет ни одного упоминания Сталина, песни носят черты индивидуального творчества. Так, в издание включена философская лирика Павла Васильева (стихотворение «Пыль», написанное от лица Амре Айтакова [Песни 1932: 46—48]), произведения в духе восточных афоризмов («Не говори, что верблюд некрасив...» [Там же: 7], «Лучше иметь полный колодец воды...» [Там же: 17]).

На фоне остальных текстов выделяется единственная во всем сборнике песня-посвящение Ленину, написанная Васильевым. «Песня о Ленине» [Там же: 49—52] органично встроена в ряд восточных и псевдовосточных хвалебных песен Ленину из сборников 1930-х годов, например из составленной Соловьевым книги «Ленин в творчестве народов Востока. Песни и сказания».

Наиболее частый мотив, связанный с Лениным, — это мотив бессмертия:

Нет, жив Ленин,
И еще бессчетное
Множество раз — жив!
А если даже
И правда,
Что опустили его

В каменную могилу,
Все равно,
Хорошо нам
Слышно отсюда,
Как бьется его
Большое сердце

[Там же: 52].

Возник этот мотив на страницах газет сразу же после смерти и похорон Ленина²⁰. О степени его распространения может свидетельствовать тот факт, что он получил отражение и в «народных» сказках о Ленине: поскольку Ленин не может умереть, в мавзолее он спит, изредка по ночам просыпаясь и проверяя, все ли в порядке в стране²¹.

Традиция провозглашения Ленина бессмертным в поэтических текстах восходит, по всей видимости, к текстам Маяковского. Так, очевидна переключка между строками «Нет, жив Ленин, / И еще бесчисленное / Множество раз — жив!» из «Песни о Ленине» Васильева с хрестоматийным «Ленин — жил, / Ленин — жив, / Ленин — будет жить» Маяковского²². Схожий мотив — отдать самое дорогое, чтобы воскресить Ленина, — отражен и в поэме Маяковского «Владимир Ильич Ленин»:

Сейчас
прозвучали б
                                слова чудотворца,
чтоб нам умереть
                                и его разбудят, —
плотина улиц
                                враспашку растворится,
и с песней
                                на смерть
                                ринутся люди²³.

Этот же мотив можно обнаружить в «Киргизской песне» из сборника Соловьева («Мы любим Ленина, как любим свои степи. / Даже больше, — мы отдали

---

20 Ср.: «Кто сказал, что умер Ленин?! Неправда! Ленин не только жив, он лишь начинает жить, он только рождается для настоящей жизни, он только начал завоевывать умы и сердца людей. Ленину удалось утвердиться в умах и сердцах нескольких миллионов людей, населяющих Советские Республики. Но и в этих республиках Ленин еще не завоевал полностью и прочно большинства. Еще борьба за проникновение ленинизма в сознание и здесь впереди. <...> Да, Ленин живет и будет жить. Об этом позаботимся и мы, насколько хватит сил. <...> Но если Ленин не умер и не умрет, почему же такая скорбь, такое горе? <...> Это прощаются с Ильичем. Да, к великому несчастью, от нас ушел Ильич. Живой человек, такой знакомый, такой близкий, такой дорогой и любимый» (*Сосновский Л.* Ильич-Ленин // Правда. 1924. 27 января. С. 2).

21 Скоро проснется Ильич. Вятская сказка / Зап. Р. Акульшиным // Пяковский А. Ленин в русской сказке и восточной легенде. М.: Молодая гвардия, 1930. С. 40–43.

22 *Маяковский В.* Комсомольская // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. М.; Л.: Гослитиздат, 1927–1933. М.; Л., 1928. С. 123–128.

23 *Маяковский В.* Комсомольская // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. М.; Л.: Гослитиздат, 1928. С. 432–433.

бы все свои кибитки и степи, / Всех верблюдов, жен и детей, чтобы вернуть его...» [Соловьев 1930: 107]). Его развитие происходит в песне Васильева, в которой переживаемая народом скорбь описана с помощью сравнений в духе восточных гиперболизмов:

Лучше б отняли
У каждого
Правую руку,
Лучше б у каждой
Матери
Умер первый сын,
Лучше б вовсе он не родился,
Чем слышать
Такую страшную весть!
<...>
Лучше б чума пришла,
Чем узнать,
Что умер великий Ленин!

[Песни 1932: 51]

В последовавших за сборником «Песни киргиз-казаков» текстах акынов на русском языке мотив получает развитие: с Лениным можно поговорить, более того, поскольку Ленин подобен богу, он знает каждого, кто приходит к нему:

Солнце льет лучи на гранит,
Мавзолей там в Москве стоит,
В нем великий Ленин лежит.
Он, живой, и он каждый день
С народом своим говорит
<...>
Он глаза открыл и сказал:
— Айманкуль, родная, аман!

[Песни степей 1940: 421]

В некоторых текстах возможно сплетение двух мотивов — бессмертия Ленина и стремления отдать жизнь за него:

Там Ленин лежит и как будто уснул.
Как будто забылся он сказочным сном.
На страже почетный стоит караул,
Его охраняет и ночью, и днем!
Закапали слезы невольно из глаз,
И сжали рыдания дыханье в груди,
Жизнь отдал бы с радостью каждый из нас,
Чтоб Ленина к жизни от сна пробудить!

[Сборник 1941: 35]

В стихотворении Васильева скорбь от утраты Ленина переплетена с темой его бессмертия:

Мы сплетем
Наши руки тружеников,
Мы сплетем
Наши пастушеские руки
И пронесем
Бессмертного Ленина
Туда, где
Не оскудевает свет!

[Песни 1932: 52]

В контексте статей о том, что Ленин не может умереть, пока не будет построен коммунизм, напрашивается сравнение мистического места, «где не оскудевает свет», с коммунизмом. Рай и коммунизм становятся синонимами, что также работает на обожествление Ленина как нового пророка.

В тексте Васильева находит выражение еще один мотив, получивший большое распространение в песнях акынов на русском языке, а именно противопоставление слепоты, пребывания во мраке и света. Сравнение Ленина с солнцем органично вписано в корпус восточных сравнений правителей с небесными светилами.

И мы увидели солнце!
Если всю мудрость
Мудрейших соединить,
И на число звезд это умножить,
То и все ж
Не получится мудрости
Великого Ленина!

[Там же: 50]

В последующих песнях акынов казахов избавляет от слепоты Сталин. Он же ведет народ из темноты к солнцу, которое становится синонимом счастья. Поскольку практически ни одна песня акынов на русском языке не обходится без подобных сравнений, приведем лишь одну из них:

Водю стал Сталин для нас,
И светом стал Сталин для нас.
Он нас напоил и спас,
И вывел, как солнце, из тьмы.
И рабство забыли мы

[Сборник 1941: 42].

Сравнение Сталина с солнцем направлено на обожествление вождя, который, подобно языческому божеству, щедрой рукой дарует разнообразные блага, в том числе возвращает молодость:

Сталин принес мне сады и стада
С песнями радостного труда.
Сталин! Он вечное солнце мое,
Не потухающее никогда.

<...>

Сердце не знает ни горя, ни бед,
Старость моя потеряла свой след,
Иду я по самой богатой земле,
Иду, как жигит восемнадцати лет.

<...>

Сказочный дар из волшебной руки
Приняли дети и старики...

[Песни степей 1940: 504]

У Васильева можно заметить и другие мотивы будущих текстов корпуса сталинианы. Так, Ленин выступает в традиционной роли отца и учителя:

Но пришел к казахскому народу
Ленин,
Отец наш и учитель
Ленин.
Он сказал:
«Все работающие — братья,
Их враги — только баи и муллы»

[Песни 1932: 50].

В дальнейшем приложение «отец» использовалось преимущественно с именем Сталина²⁴. Поскольку в советском Казахстане слово «бай» употреблялось в качестве синонима для слова «кулак» [Киндлер 2017: 30], песня транслирует советскую идеологию. Кроме того, в стихотворении Ленин выступает против богачей: таким образом создается эффект взаимопонимания между вождем и народом. В более поздних сборниках происходит развитие мотива: для вождя, общающегося с народом, нет языковых преград. Так, со Сталиным можно говорить на казахском языке:

Звонких слов благодатный дождь
В эти дни, что так хороши,
На тебя излить разреши.
Ведь обязан я всем тебе.
Коль не песней, то чем тебе
Заплачу я, любимый вождь?
Э, горячий салем тебе!
Э, великий тебе рахмет!
Так поет тебе от души
Умурзак, казахский жирши

[Песни о Сталине 1937: 57].

---

24 Приведем лишь один пример из бесчисленного количества:

Сегодня несет эту песню певец
Тебе, мой любимый, великий отец,
Тебе, несравненный учитель мой, Сталин!..

[Песни степей 1940: 435]

Таким образом, «Песня о Ленине» Павла Васильева встроена в корпус текстов, служащих канонизации образа Ленина, в основе которого — стихотворения Маяковского. Вместе с тем в ней содержатся мотивы, которые будут использоваться в последующих песнях-посвящениях Сталину.

Анализ архивных документов показывает, что первый сборник стилизаций 1932 года был значительно сокращен при подготовке к изданию. Среди причин сокращения могут быть как лимиты на бумагу или гонорары, так и несоответствие некоторых текстов целям издания. Мы предполагаем, что из сборника были исключены тексты, в которых на первый план были вынесены личные переживания, а также шуточные песни, в которых не содержалось противопоставление «темного» прошлого и советского настоящего. Возможно, «Песня о Серке» Васильева, в которой речь шла о юноше, пожертвовавшем ради каприза любимой глазами [Песни 1932: 37—42], была оставлена, поскольку отсылала к народным легендам. Однако в сборник не вошла песня «Обида»²⁵, в которой юноша отказывается от любви после того, как девушка говорит ему, что не готова пренебречь поклонниками ради него одного.

Однако большая часть исключенных песен принадлежала Сергею Маркову. Это тексты «Три орды», в котором без какой-либо критики описываются три казахских рода; шуточное стихотворение про обжору «Чудак Кокбай, который подавился солнцем», игривое стихотворение «Две песни иртышских грузчиков»; любовные стихотворения «Влюбленный Галиаскар», «Вздор» и «Песня Кужахмета».

Таким образом, сборник, название которого указывает на литературную мифификацию, становится своеобразным собранием образцов для стилизаторов. Альманах, составленный из песен непрофессиональных переводчиков, еще сохранил некоторые черты авторского стиля. По мере нарастания темпов издания песен народных певцов на русском языке все авторские особенности исчезали, сменяясь клише, типичными для сталинианы середины — конца 1930-х годов. Текст перевода одного певца на стилистическом уровне не отличим от другого, а обилие имен нужно только для иллюзии полифонии. Многоголосие необходимо для легитимации того, о чем говорится в текстах: они издаются как песни народных авторов, каждый из которых признает и славит советскую власть.

Публикация корпуса песен на русском языке создает и другую иллюзию: голос обрели те, кто раньше не мог высказаться. Национальные певцы благодаря переводам включаются в поле советской литературы и получают возможность быть услышанными любым советским читателем. Таким образом, с помощью переводческих практик в советской системе реализуется объединяющая функция русской культуры — функция в значительной мере политическая.

Пик издания текстов, подписанных именами казахских певцов, пришелся на конец 1930-х годов, а после смерти Джамбула издание песен казахских акынов в русских переводах постепенно пошло на спад. Возможно, это связано с тем, что в литературу на смену национальным певцам пришло поколение профессиональных советских национальных авторов²⁶.

25 «Песни киргиз-казаков». Сборник под редакцией В. Казина. Переводы С. Маркова, Л. Мартынова, П. Васильева, Н. Феоктистова. Автограф Васильева // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 8542. Л. 32.

26 Обсуждению развития и поддержки творчества акынов было посвящено заседание Казахской национальной комиссии Союза советских писателей, которое прошло

Библиография / References

- [Богданов 2009] — *Богданов К.* Фольклорные жанры советской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
(*Bogdanov K. Fol'klornye zhanry sovetskoy kul'tury. Moscow, 2009.*)
- [Богданов 2013] — *Богданов К.* Аватар Джамбула (вместо предисловия) // Джамбул Джабаев: Приключения казахского акына в Советской стране: Ст. и материалы / Под ред. К. Богданова, Р. Николози, Ю. Мурашова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 5—14.
(*Bogdanov K. Avatar Dzhabula (vmesto predisloviya) // Dzhabul Dzhabaev: Priklucheniya kazakhskogo akyna v Sovetskoy strane / Ed. by K. Bogdanov, R. Nikolozhi, Yu. Murashov. Moscow, 2013. P. 5—14.*)
- [Вайнерман 2005] — *Вайнерман В.* Портрет Неизвестного, или очерк о Николае Васильевиче Феоктистове // Голоса Сибири. Литературно-художественный альманах. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. С. 91—105.
(*Vaynerman V. Portret Neizvestnogo, ili ocherk o Nikolae Vasil'eviche Feoktistove // Golosa Sibiri. Literaturno-khudozhestvennyy al'manakh. Kemerovo, 2005. P. 91—105.*)
- [Вельтман 1938] — *Вельтман С.* Устное творчество народов СССР. Обзор литературы. М.: Науч.-исслед. ин-т библиотековедения и рекомендательной библиографии наркомпроса РСФСР, 1938.
(*Veltman S. Ustnoe tvorchestvo narodov SSSR. Obzor literatury. Moscow, 1938.*)
- [Виткович 1967] — *Виткович В.* Длинные письма. Сто историй в дороге. М.: Молодая гвардия, 1967.
(*Vitkovich V. Dlinnye pis'ma. Sto istoriy v doroge. Moscow, 1967.*)
- [Домбровский 1993] — *Домбровский Ю.* Письмо А. Варпаховскому // Домбровский Ю. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. М.: Терра, 1993.
(*Dombrovsky Yu. Pis'mo A. Varpakhovskomu // Dombrovsky Yu. Sbranie sochineniy: In 6 vols. Vol. 6. Moscow, 1993.*)
- [Васильев 1957] — *Васильев П.* Избранные стихотворения и поэмы / Вступ. ст. К.Л. Зелинского; подгот. текста П.Л. Вячеславова и Е.А. Вяловой; примеч. П.Л. Вячеславова. М.: Гослитиздат, 1957.
(*Vasil'ev P. Izbrannye stikhotvoreniya i poemu / Intro. by K.L. Zelinskiy, prep. by P.L. Vyacheslavov and E.A. Vyalova; notes by P.L. Vyacheslavov. Moscow, 1957.*)
- [Исмаилов 1957] — *Исмаилов Е.* Акыны. Монография о творчестве Джамбула и других народных акынов / Авториз. пер. с каз. Х. Сыздыкова, Ю. Домбровского. Алма-Ата: Казгослитиздат, 1957.
(*Ismailov E. Akyny. Monografiya o tvorchestve Dzhabula i drugikh narodnykh akynov / Transl. by Kh. Syzdykov, Yu. Dombrovskiy. Alma-Ata, 1957.*)
- [Кашина 2007] — *Кашина Л.* «Я перед ликом будущего прав...» // Сибирские огни. 2007. № 9. С. 165—172.
(*Kashina L. "Ya pered likom budushchego prav..." // Sibirskie ogni. 2007. № 9. P. 165—172.*)

в Москве в 1947 году. Позиции выступавших разделились: так, высказывалось мнение о том, что «традиция акынов рано или поздно должна отойти, так как нельзя искусственно сохранять импровизаторов там, где развивается всеобщая грамотность. Когда появляются молодые импровизаторы... писательская организация их направляет учиться и со временем они становятся поэтами». При этом писатель и переводчик Л. Соболев, игравший важную роль в процессе формирования казахской советской литературы, настаивал на том, что «акынство» продолжает существовать, однако нуждается в поддержке: «Может быть, у меня еретический взгляд, но я считаю, что искусство акынов в Казахстане бытует и если не приходится говорить о том, чтобы его культивировать, так как против течения истории не пойдешь, то во всяком случае надо стремиться сохранить то, что в этой области создано. Я утверждаю, что человек начитанный, знающий языки, культурный — может быть поэтом-импровизатором причем это может быть акын новой формации». Отметим, что с вопросом о судьбе акынов тесно связан вопрос о содержании песен, который также активно обсуждался на заседании: «Если не уделять внимания акынству, то получится... что они начнут петь свои песни не о том, о чем нужно» (Рецензии на произведения казахских писателей, обзоры прессы // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631. Оп. 34. Ед. хр. 152. Л. 38—40. Мы выражаем благодарность Ирине Синепуновой за помощь в работе с этим документом).

- [Кашина 2014] — *Кашина Л.* «Протяни мне, Родина, ладони свои...». Павлодар: ЭКО, 2014.
- (*Kashina L.* "Protyani мне, Rodina, ladoni svoi...". Pavlodar, 2014.)
- [Киндлер 2017] — *Киндлер Р.* Сталинские кочевники. Власть и голод в Казахстане / Пер. с нем. Л.Ю. Пангиной. М.: РОССПЭН, 2017.
- (*Kindler R.* Stalins Nomaden. Herrschaft und Hunger in Kasachstan. Moscow, 2017. — In Russ.)
- [Мартынов 1977] — *Мартынов Л.* Круглая звезда Айналайн / Из цикла «Воздушные фрегаты» // Мартынов Л. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1977. С. 235—244.
- (*Martynov L.* Kruglaya zvezda Aynalain // Martynov L. Sbranie sochineniy: In 3 vols. Vol. 3. Moscow, 1977. P. 235—244.)
- [Мартынов 2005] — *Мартынов Л.* 9 мая по старому стилю / Публ. Г.А. Суховой-Мартыновой // Знамя. 2005. № 5. С. 156—169.
- (*Martynov L.* 9 maya po staromu stilyu / Publ. by G.A. Sukhova-Martynova // Znamya. 2005. № 5. P. 156—169.)
- [Очерки 1933] — *Баталов М., Сильченко М.* Очерки по казакскому фольклору и казакской литературе / Под общ. ред. И. Кабулова. Алма-Ата; М.: Казакстанское краевое изд-во, 1933.
- (*Batalov M., Sil'chenko M.* Ocherki po kazakskomu fol'kloru i kazakskoy literature / Ed. by I. Kabulov. Alma-Ata; Moscow, 1933.)
- [Песни 1932] — Песни киргиз-казаков / Пер. П. Васильева, С. Маркова, Л. Мартынова, Н. Феоктистова. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1932.
- (*Pesni kirgiz-kazakov* / Transl. by P. Vasil'ev, S. Markov, L. Martynov, N. Feoktistov. Moscow; Leningrad, 1932.)
- [Песни 1936] — Песни о шестнадцатом годе / Пер. с каз. М. Алтайского, П. Кузнецова, Л. Архангельского. Алма-Ата: Казахстанское краевое издательство, 1936.
- (*Pesni o shestnadsatom gode.* Alma-Ata, 1936.)
- [Песни о Сталине 1937] — Песни казахских акынов о Сталине / Ред. Е. Мозолькова. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1937.
- (*Pesni kazakhsikh akynov o Staline* / Ed. by E. Mozol'kova. Moscow, 1937.)
- [Песни казахских степей 1951] — Песни казахских степей / Ред.-сост. и вступ. статья З. Кедринной. М.; Л.: Детгиз, 1951.
- (*Pesni kazakhsikh stepey* / Comp. and introd. by Z. Kedrina. Moscow; Leningrad, 1951.)
- [Песни степей 1940] — Песни степей / Под ред. Л. Соболева. М.: Гослитиздат, 1940.
- (*Pesni stepey* / Ed. by L. Sobolev. Moscow, 1940.)
- [Платт 2017] — *Платт Д.* Здравствуй, Пушкин! Сталинская культурная политика и русский национальный поэт / Пер. с англ. Я. Подольного. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2017.
- (*Platt D.* Greetings, Pushkin! Stalinist Cultural Politics and the Russian National Bard. Saint Petersburg, 2017. — In Russ.)
- [Поделков 1968] — *Поделков С.* Павел Васильев. Биографическая справка // Васильев П. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. С. Залыгина; биогр. справка, подгот. текста и примеч. С. Поделкова. Л.: Советский писатель, 1968. С. 25—26.
- (*Podelkov S.* Pavel Vasil'ev. Biograficheskaya spravka // Vasil'ev P. Stikhotvoreniya i poemu / Introd. by S. Zalygin; biogr., prep. and notes by S. Podelkov. Leningrad, 1968. P. 25—26.)
- [Русакова 1962] — *Русакова А. Васильев П.* // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 1: Аарне—Гаврилов / Гл. ред. А.А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1962. Стб. 868—869.
- (*Rusakova A. Vasil'ev P.* // Kratkaya literaturnaya entsiklopediya: In 9 vols. Vol. 1: Aarne—Gavrilov / Ed. by A.A. Surkov. Moscow, 1962. Col. 868—869.)
- [Сборник 1941] — Сборник современной казахской литературы / Сост. Союзом сов. писателей Казахстана / Ред. А. Дроздов, М. Зенкевич, А. Тажибаяв. М.: Гослитиздат, 1941.
- (*Sbornik sovremennoy kazakhskoy literatury* / Ed. by A. Drozdov, M. Zenkevich, A. Tazhibayev. Moscow, 1941.)
- [Сидельников 1951] — *Сидельников В.* Библиографический указатель по казахскому устному творчеству. Вып. 1. 1771—1916 гг. Алма-Ата: Академия наук КазССР, 1951.
- (*Sidel'nikov V.* Bibliograficheskiy ukazatel' po kazakhskomu ustnomu tvorchestvu. Iss. 1. 1771—1916. Alma-Ata, 1951.)
- [Сидельников 1969] — *Сидельников В.* Устное поэтическое творчество казахского народа. Библиографический указатель. 1771—1966 гг. Алма-Ата: Наука, 1969.
- (*Sidel'nikov V.* Ustnoe poeticheskoe tvorchestvo kazakhskogo naroda. Bibliograficheskiy ukazatel'. 1771—1966. Alma-Ata, 1969.)
- [Соловьев 1930] — Ленин в творчестве народов Востока. Песни и сказания / Сост. Л. Соловьев. М.: Московский рабочий, 1930.
- (*Lenin v tvorchestve narodov Vostoka. Pesni i skazaniya* / Comp. by L. Solov'ev. Moscow, 1930.)
- [Старцев 1957] — *Старцев И.* Художественная литература народов СССР в переводах на русский язык: Библиография. 1934—1954. М.: Гослитиздат, 1957.

- (Startsev I. *Khudozhestvennaya literatura narodov SSSR v perevodakh na russkiy yazyk: Bibliografiya. 1934—1954.* Moscow, 1957.)
- [Феоктистов 2015] — [Б.а.] Н.В. Феоктистов. Биографическая справка // Омский литературный музей. Тексты. Материалы. Исследования. Вып. 2. Омск, 2015. С. 57.
- ([S.a.] N.V. Feoktistov. *Biograficheskaya spravka // Omskiy literaturnyy muzey. Teksty. Materialy. Issledovaniya.* Vol. 2. Omsk, 2015. P. 57.)
- [Ходарковский 2019] — *Ходарковский М.* Степные рубежи России. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- (*Khodarkovskiy M.* *Stepnye rubezhi Rossii.* Moscow, 2019. — In Russ.)
- [Шевченко 1999] — *Шевченко С.* Будет вам помилование, люди... Повесть о Павле Васильеве. Павлодар, 1999.
- (*Shevchenko S.* *Budet vam pomilovanie, lyudi... Povest' o Pavle Vasil'evе.* Pavlodar, 1999.)
- [Volkov 1979] — *Volkov S.* *Testimony: the memoirs of Dmitri Shostakovich.* New York: Harper & Row Publishers Inc., 1979.
- [Witt 2013] — *Witt S.* *Arts of Accommodation: The First All-Union Conference of Translators, Moscow, 1936, and the Ideologization of Norms // The Art of Accommodation: Literary Translation in Russian Culture / Ed. by L. Burnett, E. Lygo.* Peter Lang, 2013. P. 141—184.
- [Zemskova 2018] — *Zemskova E.* *Soviet Folklore as Translation project: a case of Tvorchestvo narodov SSSR, 1937 // Translation in Russian Contexts: Culture, Politics, Identity / Ed. by B.J. Baer, S. Witt.* London; New York: Routledge, 2018. P. 174—187.